

Неисповедимы пути судьбы, и неясно, какая цепь случайностей привела меня к этому моменту. На третий день моего пребывания в шатре главнокомандующего пламя войны, которого я так ждал, наконец вспыхнуло.

Стотысячная армия Северной Вэй нанесла прямой удар по Небесной династии, полностью проигнорировав Восточную Мин, которая уже успела подготовить оборону. Посланник Небесной династии, прибывший просить помощи, был попросту взят под домашний арест в Шэнцзине.

Находясь в ставке командующего, я бы гроша ломаного не стоил, если бы не сумел разузнать такие новости. Но раз Восточная Мин решила остаться в стороне, это могло означать лишь одно: дни старого императора сочтены.

Я лежал на огромном валуне на вершине горы. Ночь выдалась на редкость ясной. Царственная звезда на востоке заметно потускнела, в то время как две другие разгорелись ослепительным блеском. Та, что была ближе всех к звезде монарха, сияла подобно огромному бриллианту — вызывающе и агрессивно. Другая же, чуть поодаль, наливалась багрянцем, явно стремясь оспорить первенство.

Но больше всего меня сбивала с толку тусклая звезда рядом с Императорской в самом зените, проявившаяся лишь в последние дни. Судя по гаданиям в Долине Забвения Забот, Фениксова звезда должна была воссиять сразу, как только он покинет долину. Почему же это случилось лишь теперь?

Неужели после выхода в мир с ним что-то произошло?!

«Дунфан Чэньцзюнь... если ты позволишь ему пострадать хоть немного, я заставлю тебя пожалеть о том, что ты вообще явился на свет».

С тяжелым сердцем я вернулся в шатер. Сун Хуаймина еще не было. Пытаясь успокоиться, я взялся за книгу, но раздражение лишь росло. В конце концов, я отбросил ее и повалился на кровать прямо в одежде.

«Не горячись, — твердил я себе, — не позволяй ничему сбить тебя с пути». Под этот внутренний монолог я незаметно погрузился в дрему.

Сквозь сон я почувствовал, что кто-то вошел. Раздался тихий звон доспехов. Человек подошел ближе, и меня укрыли чем-то широким, плотным и теплым. Он на мгновение коснулся моей макушки тяжелой ладонью. Кажется, я пробормотал какое-то имя; рука вздрогнула, замерла и вскоре исчезла вместе с гостем.

«Не уходи... Му... не оставляй меня...»

Охрана в лагере заметно усилилась. Даже от заставы виднелись столбы сигнальных дымов, уходящие в небо. Правящий дом Северной Вэй завоевал мир в седле. Северяне по натуре были людьми широкой души и крепкого телосложения; их рослые, плечистые воины разительно отличались от изнеженных жителей Небесной династии, привыкших к неге южных краев.

Восемьдесят тысяч кавалерии и двадцать тысяч пехоты — для Северной Вэй это была лишь малая часть мощи, основные силы их железной конницы были сосредоточены вдоль протяженной северной границы с Восточной Мин. У Небесной династии же общее число пехотинцев едва переваливало за сто тысяч, а конницы и вовсе было прискорбно мало, да и та — легкая. Как такие войска смогут противостоять северянам на равнинах? Пограничные заставы наверняка падут в мгновение ока.

Однако Небесная династия, будучи самым древним и обширным государством на материке, обладала рубежом куда более неприступным, чем Застава Рассвета. Речь шла о реке Цицзян, которая служила естественным щитом, отделяющим империю от соседей.

Брать Цицзян штурмом лучше всего зимой, в период межени. И хотя уровень воды в реке менялся мало, именно сейчас шансы на успех были выше из-за спокойного течения. Если армия Северной Вэй хочет ударить в самое сердце Небесной династии, им нужно форсировать Цицзян до конца зимы. Стоит прийти весне, как снега в горах начнут таять, и река превратится в бушующий поток. Тогда северянам, не смыслящим в водных сражениях, пути не будет.

— Нельзя дать им переправиться...

Я соорудил из песка карту местности: веточки обозначали леса, камни — войска, сухие листья — ключевые города. Прочертив небольшую канавку и налив туда воды, я создал свою Цицзян.

— Я еще не добрался туда... Если страна падет раньше... Хм! Я должен приложить к этому руку сам, и никто другой.

Я злорадно усмехался над своей импровизированной картой, совершенно не замечая, что за моей спиной уже довольно долго стоит человек, наблюдая за этим странным зрелищем.

— Что это ты делаешь?

Услышав знакомый голос, я вздрогнул. Хотел было разметать песок ногами, но крепкая рука подхватила меня за шиворот, словно коршун цыпленка, и отставила в сторону.

— Это... ландшафт четырех стран?!

В эту эпоху картография была развита слабо. Карты хранились лишь в военном ведомстве, у

императора и его доверенных генералов. А подробных панорамных карт всего мира существовало лишь две. Одна находилась в императорском дворце — ее создавали в годы расцвета империи усилиями сотен тысяч людей. Вторая, уменьшенная копия, сейчас была у Юйвэнь Му.

Когда он обучал меня стратегии и тактике, то показывал ее, и благодаря своей памяти я запечатлел каждый изгиб границ в сознании. Когда в сердце — горы и реки, нарисовать карту не составит труда. И пусть мои художества со стороны выглядели сумбурно, в макетах я был уверен.

— Даже если собрать воедино все региональные схемы, невозможно воссоздать столь полную картину. Только если... ты видел карту всего мира? Кто ты такой и что тебя связывает с Государственным наставником?!

Вырвавшись, я недовольно проворчал:

— А почему ты не допускаешь, что я связан с императорским домом Небесной династии?

— Карту видел только император, канцлер Е Фэн и маршал Оуян. Ты их ровесник, но не можешь быть императором. К тому же ты носишь духовную яшму, символ Государственного наставника. Значит, ты не из Небесной династии.

Я помрачнел.

— Ты рылся в моих вещах, — процедил я. Но тут же осекся: яшму я носил на шее под одеждой. Чтобы ее увидеть, нужно было либо обладать рентгеновским зрением, либо...

Я уставился на него с яростью:

— Ты подглядывал, как я моюсь...

Сун Хуаймин, закаленный солнцем и ветром походов, внезапно густо покраснел. Кожа у него была темная, так что смущение выдавал лишь странный багровый оттенок.

Видя его замешательство, я холодно бросил одно слово:

— Бабник.

Он явно растерялся, но быстро взял себя в руки.

— Я не специально... Кхм. Не уходи от темы. Какие отношения связывают тебя с Юйвэнь Му?

Понимая, что просто так не отделаться, я скорчил мину обиженного ребенка, надул губы и выдал «сенсацию»:

— Государственный наставник... мой отец.

— Что?! — Сурового генерала перекосило так, будто ему в рот запихали тухлое яйцо.

— Чуть! Наставник Юйвэнь не женат. Откуда у него такой взрослый сын?!

— В том-то и секрет! Я говорю тебе только потому, что считаю тебя хорошим человеком. Когда-то мой отец был учителем Девятого принца во дворце. Там он встретил мою мать, и они влюбились. Юношеский порыв... так появился я. Чтобы избежать скандала, Девятый принц помог тайно вывезти мою мать из дворца. Она умерла при родах, но я, по счастью, выжил. Позже отец оставил службу и жил со мной в глуши. Лишь в прошлом году Девятый принц снова призвал его. Отец боялся брать меня в Шэнцзин, опасаясь за мою жизнь, но я не мог оставить его одного и отправился следом. А когда проезжал через Сяодоу и увидел набор в армию, решил, как и отец, послужить стране...

Судя по всему, Сун Хуаймин боготворил Юйвэнь Му. История о бастарде и дворцовой служанке была настолько серьезной, что генерал наверняка похоронит этот секрет глубоко в душе. Моя ложь была в безопасности.

Я опустил голову, украдкой наблюдая за его реакцией. Вид провинившегося подростка добавлял истории достоверности. Генерал бледнел с каждым моим словом, а когда я добавил, что мне едва исполнилось четырнадцать, он, казалось, был готов лишиться чувств.

Лишь спустя время Сун Хуаймин пришел в себя. С перекошенным лицом он разметал песочную карту и, схватив меня за руку, повел прочь.

— Пожалуйста, не говори отцу! Он будет в ярости. Умоляю тебя! — я выдавил пару слезинок, делая взгляд максимально жалобным. Сун Хуаймин тяжело вздохнул.

— Как твое имя?

—... Юйвэнь Цинмин...

После этого случая я понял одну вещь: издеваться над честными людьми — это, пожалуй, чертовски весело.

«Пора уносить ноги, и чем скорее, тем лучше», — подумал я, поднимаясь с валуна у водопада.

Сун Хуаймин наверняка пошлет гонца к Юйвэнь Му, и тот немедленно заберет меня в Шэнцзин, чтобы сделать своим преемником. Я хотел увидеть его, но был вынужден держаться как можно дальше. Его аура могла растопить самый холодный лед, а для меня это было губительно.

— Что это?..

Вдруг сверху, из бушующего потока водопада, вынесло нечто странное. Похоже на... человеческое тело.

Я инстинктивно прыгнул в воду и вытащил бедолагу на берег. Человек был буквально изрешечен ранами. Огромная потеря крови, переохлаждение от ледяной воды... Впрочем, именно холод спас ему жизнь, заморозив раны и не дав истечь кровью окончательно. Вдобавок ко всему — внутренние повреждения от падения и сломанные кости. И финальный штрих: чернота в ранах недвусмысленно указывала на действие яда.

Столько несчастий на одного человека, а он все еще дышит. Неужели небеса решили так над ним подшутить?

— Послушай, приятель, не то чтобы я не хотел помочь, но это выше моих сил. Был бы тут мой наставник, он бы и покойника из-под земли достал, но перед тобой я — мастер скорее по ядам, чем по исцелению. Так что давай, отправляйся-ка ты на тот свет без лишних мучений. Все равно ты не жилец, к чему так цепляться за жизнь?

— Что ты делаешь?

Голос Сун Хуаймина за спиной заставил меня вздрогнуть. Генерал подошел ближе и мгновенно посерьезнел.

— Кто это?

— Понятия не имею. Уже труп.

— Нет... — Сун Хуаймин проверил пульс и взвалил «мертвеца» на спину. — Он жив. Если поторопимся, еще спасем.

— Ты серьезно хочешь его спасти? — я едва поспевал за его широким шагом. — А если он враг? Или шпион?

— Какой шпион станет помирать через четверть часа после прибытия? — бросил он и, применив технику легкости, взмыл в воздух. — Не отставай! Живо в лагерь, вели греть воду. Тебе тоже нужно вымыться, иначе заболеешь!

В подтверждение его слов я громко чихнул.

— Уже заболел! Проклятье! Чем спасти этого покойника, лучше бы меня донес! Тоже мне, мастер легкости выискался!

Обругав всех и вся, я добежал до лагеря, продрогнув до костей.

— Ну что, оклемался? — спросил я, когда, отогревшись в горячей ванне и выпив чашу жгучего имбирного отвара, завернулся в одеяло и подошел к кровати. Сун Хуаймин уже успел обмыть незнакомца и перевязать его раны.

Теперь тот хотя бы отдаленно напоминал человека, а не изорванную тряпичную куклу. Я потянулся к его лицу, пытаясь поддеть край кожи. Сун Хуаймин удивленно вскинул брови:

— Что ты творишь?

— Да так... смотрю на лицо. Почему маска так плотно сидит?

Помнится, мой старший соученик легким движением руки снимал любые маски. А эта сидела намертво. Неужто качество настолько высокое?

— Жизнь я ему сохранил, — подал голос генерал, — но если не вывести яд, он не протянет и пары часов.

— И зачем тогда возиться? Все равно помрет, пусть хоть в покое уйдет.

Наконец мне удалось подцепить край маски у правой щеки. Резким движением я сорвал ее.

— Довольно милостивый... правда, — я пригляделся, — почему у него только одна бровь?

Сун Хуаймин молча взял у меня сорванную маску и показал ее внутреннюю сторону.

— Ха-ха-ха!

Оказалось, маска приклеилась так сильно, что, срывая ее против роста волос, я выдрал правую бровь незнакомца с корнем.

— Ну... кто же знал, что клей такой ядреный...

— Человек при смерти, а тебе смешно. Живо посмотри его, сможешь ли дать противоядие.

— О? С чего ты взял, что я умею лечить отравления?

— Если Государственный наставник твой отец — значит, умеешь.

«Решил меня проверить?» Я холодно усмехнулся.

— Сначала назови причину.

— Причину?

— Почему ты так рвешься его спасти? Либо ты его знаешь, либо узнал какую-то его вещь. Может, тебе знаком стиль сабельного боя, оставивший эти раны, или сам яд. В первом случае он твой друг, и ты спасаешь его по доброте душевной. Во втором — ранивший его человек твой враг, и тебе нужен свидетель, чтобы выведать информацию, а заодно обязать его услугой за спасение жизни. Есть и другие варианты...

— Хватит пустословия! Если есть идеи — делай! — лицо Сун Хуаймина становилось все мрачнее.

— Какая спешка... Значит, верны первые два варианта. Если бы дело было в мести, ты бы просто спросил, могу ли я привести его в сознание на пару минут.

— Ты будешь его спасать или нет?

— Буду... — я неспешно присел на край кровати и взял пациента за руку. — Ведь если я не помогу, то я не сын своего отца, верно? Наставник Юйвэнь — человек милосердный, значит, и сын его должен быть таким же. Наставник Юйвэнь — великий лекарь, значит, и сын его...

— Ближе к делу! — оборвал меня генерал. — Есть ли надежда?

— Понятия не имею. Сначала пустим ему кровь.

Я сделал небольшой надрез на теле незнакомца, собрал немного крови в чашу, принялся и кончиком языка коснулся жидкости.

— Эй! — Сун Хуаймин вырвал чашу у меня из рук. — Ты с ума сошел?!

Я лишь зыркнул на него. Совсем за дурака меня держит? Покатав кровь во рту, я довольно прищурился. Яд был забавным. Слово какой-то выскочка-богач, не заботясь о вкусе, решил

впихнуть в интерьер все самое дорогое: тут и растительные токсины, и животные яды — целая куча всего, нагроможденная без всякой системы. Дорого, но до безобразия безвкусно.

Сразу видно — работал не профессионал. Таким составом обычно просто смазывают оружие. Судя по ранам, отравы еще не успела добраться до костей и внутренних органов.

Я набросал рецепт и протянул его генералу:

— Пусть этим отваром обмывают раны. А я приготовлю снадобье, чтобы очистить кровь.

Пока Сун Хуаймин ходил в лазарет за травами, я достал свои припасы. Растворил в чистой воде пилюли от внутренних и внешних повреждений, а затем, скрепя сердце, извлек фарфоровый флакончик. Осторожно открыв его, я высыпал в воду крохотную щепотку белого порошка.

Снежный лотос с ледяных вершин — это не просто лекарство, это святыня врачевания, способная не только исцелить, но и многократно усилить внутреннюю энергию. В моей аптечке было всего два цветка. Если бы я сам практиковал боевые искусства, ни за что бы не потратил их на постороннего, но для меня они были бесполезны. Весь порошок из высушенных лепестков помещался в этот крохотный флакон, и даже эта малая щепотка заставила мое сердце сжаться от жадности.

— И надо же было тебе свалиться мне на голову... Мало того что я из-за тебя простудился, так еще и драгоценное средство перевозжу. Если ты и после этого вздумаешь помереть — даже Яньван тебя не примет!

Я приподнял его голову, уложив к себе на колени, и попытался влить лекарство, но большая часть пролилась мимо.

— Да что ж такое! Мое лекарство! Впустую! — я в сердцах вытер пролитое. Такая редкость, а он и глотка сделать не может. Прямо руки чешутся его прирезать.

Вздыхнув, я набрал снадобье в рот и, прижавшись к его губам, заставил проглотить жидкость. Только так удалось скормить ему всю порцию.

— Ну вот и все. Теперь дело за Сун Хуаймином — пусть отмывает его раны.

Убрав свои бесценные флаконы, я пошел полоскать рот.